

Роман «Бог, любовь, женщины и Дьявол»

Автор: Даная Флоре

Аннотация: Что скрывает за собой романтическая звезда Северной Венеции? Игры богов, любовные интриги, разбитые сердца... Но хватит ли мужества у этих героев победить свои чувства? И кто, как не Дьявол, постарается им помешать? Игра против себя. Игра против мира. Игра на чужих костях и сердцах.

Синописис: Сломленный рутинной инженер и егомышь-спутница Лина доживают свой век в старом, разрушающемся доме в одном из переулков осеннего Петербурга. По стечению обстоятельств, инженер оказывается на заброшенном чердаке во время буйства непогоды и встречает ранее невиданные силы, которые поворачивают его жизнь вспять — возвращают старику утраченную молодость, делают его прекрасным юнцом. Он меняется сам и меняет людей вокруг — знакомится с новым, загадочным подростком Лисом, дарит Лине роковое красное платье. Эта цепь событий неизбежно несет его к встрече с «темной лошадкой» - Ямайкой, девушкой, которая захватила власть над ним, его телом и разумом, но сама попала в омут любви, того не замечая. Главный персонаж теряется в собственных чувствах, нагнетая обстоятельства, сгущающиеся над его головой. Чувства героев накаляются и сводят их с ума — один за другим они обрывают связи с жизнью, прощаются с ней, незаметно для самих себя подводя последнюю черту - смерть.

Почта: danastorieswriter@gmail.com

Тел.: 8-931-358-66-02

vk: <https://vk.com/danaflore> *группа:* https://vk.com/floral_house

Посвящается Д.О.:

Странному романтику, видевшему красоту в безмерной грусти.

*На улице было промозгло и холодно. Там бушевал, плакал, мерз грустный и донельзя отчужденный октябрь. Люди прятались от него под зонтами, скрывались за длинными полами пальто. Лужи, черной нефтью разливающиеся в одном из переулков, бороздили пары ботинок, туфель, резиновых сапожек. Дома потемнели, в мокрых разводах на стенах поблескивали ржаво-желтые глаза фонарей. Машины стремительно пронеслись мимо, спеша куда-то. Тучи серым ворохом клубились на небе, луна спряталась.
Царила она. Осень.*

Я устало вздохнул, вылез из автобуса и направился в сторону собственного дома. Он был не рад. Даже фонарь в подъезде не работал. Ну и черт с ним.

Пиджак окончательно промок, туфли хлопали. С редкой, потрепанной временем растительности на голове стекала вода. За шиворот, словно горный ручей. Я усмехнулся. Нашел сравнение, старый идиот! А вроде бы и не старый, сорок два еще не приговор. То же самое я говорил себе и в двадцать пять, и даже в тридцать. Да проблема одна — ничего с тех пор не изменилось. Ну, разве что морщины у уголков глаз стали чуть заметней, глаза — чуть грустней. Волосы, некогда бывшие курчавыми и привлекательными (на взгляд слабой половины человечества) стали больше похожи на редкие кусты на пустыре. Брови непроизвольно хмурились и становились всё грустней, взгляд — ожесточенней.

Дом был мне не рад, и это было взаимно. Старые облупленные стены, когда-то бывшие зелеными, теперь походили на порванную кожу, из которой вылезали уродливые бетонные кости.

Взбежав вверх по протёртой от времени лестнице, я впопыхах искал ключи в как назло порванном кармане куртки. Их там не оказалось. Нажал на кнопку звонка, раздался противный писк. В щелку двери, окрашенной противной масляной краской, вылезла она. Тяжело вздохнула, осмотрела глазами-щупальцами с ног до головы и, еще раз вздохнув, открепилась цепочку. Лина, соседка по квартире.

В том месте, которое мы с ней называли «домом», пахло цикорием, беломорканалом и мандаринами. Запах последних двух вещей не выветривался никогда. Почему «соседка» — спросит ненавязчивый читатель. Да я и сам, по правде сказать, не знаю. Мы с Линой были слишком похожи, чтоб быть кем-то большими друг другу. Два сапога пара, как говорится.

Я, не торопясь, переодевался в прихожей. Одинокая лампочка казалась чем-то похожим на Луну. Я же был её Землёй. По стенам «коммуналки на двоих» были развешены мои старые эскизы, рисунки, Линыны фотографии с премьер её же собственных постановок. Дом был мне не рад, а я же втайне ненавидел его. Чертов дом, рушащий жизни, раздрабляющий мечты в порошок. Он встречал с распростертыми, казалось, руками, хотя каждый проходящий знал (!), что его ожидает. А ожидает здесь лишь один демон — Пу-сто-та. Как внутри, черной дырой распространяющаяся под ребрами, так и снаружи — в пустых, безжизненных глазах, мертвенно-бледной, отливающей желтизной коже, и медленно тлеющем сердце. Последнее, к слову, было большой редкостью — у проходящих ютиться по углам его обычно, по иронии судьбы, уже не существовало. Но что-то я слишком много философствую.

После переезда в Петербург началась череда неудач. Когда-то востребованный художник, я стал никому не нужен. Вывеска большого города приманила, словно мотылька, и больно обожгла.

Постепенно юношеский пыл начал затихать, а душа приноравливаться к жестокой действительности. Действительности, в которой за все нужно было платить — за жилье, за мысли, за идеи и за сердце, все еще греющее становившееся хладным тело. В последствии я начал экономить — сначала понемножку на юношеском пыле, потом на спонтанных идеях, - дорогих, но быстро сгорающих спичках, а теперь вот решил отказаться и от последней роскоши — любви. Ирония?

Лину я встретил годом позже — маленькую, растрепанную и испуганную, словно воробей после неудачной драки. Тем осенним вечером ее окончательно выгнали из театра, в котором она работала за копейки. Да что там работала — на хрупких плечах несла все, что можно, - постановки, костюмы, новые сезоны, беспробудно пьянствующих «артистов». Была атлантом, крейсером, плывущим в пропасть и отчаянно этому сопротивляющимся. Да вот только такие люди, как правило, никому не нужны. Одиночки-гении. В руках — коробки с дорогими бутафорскими шляпками, пакеты с одеждой, фотографии с экспозиции. В больших зеленовато-лазоревых глазах — непомерная, всепоглощающая грусть.

Худая, тогда мне показалось, что ее можно спрятать в кармане пиджака вместе со всеми пожитками. Она с тех пор почти не изменилась. Короткое, кристально-белое каре из нещадно выжженных осветлителем волос, тонкие, гранатовые губы. Маленькая родинка у рта. Вечные платья с цветочным принтом, купленные на Уделке.

И вот, который год живем здесь, деля квартплату, пачки сигарет и прочие удобства. Воспоминания против воли отвлекали от реальной жизни, комом наваливаясь изнутри.

Она сидела на кухне, смотря в открытое окошко и куря. Дым походил на облака, словно в квартире была своя биосфера. Не удивлюсь, если так и было. Все жилище еще прошлым летом мы покрасили белой матовой краской, которая потекла к чертям от влаги и снега, - чахоточной погоды. Поэтому на следующую весну все стены были в разводах. Но на взгляд «деятелей искусства» все стало только красивей. Свет горел только в прихожей, и кухня была в полутьме, лишь иногда отблеск машинных фар освещал подоконник да Ленино лицо. Бретелька платья свалилась с её плеча, оголяя выпирающую кость. Это был дом отчужденных. Это был дом, в котором жили пустые человеческие оболочки.

Старый холодильник времен Союза понимающе закрипел. Взгляд опустил в его нутро. Есть расхотелось. Я просто сел рядом с Линой, вытащил из потрепанной пачки сигарету и тоже закурил. Это было привычное времяпрепровождение. Песнь дождя расслабляла.

Вновь капли просачивались сквозь потолок и капали в вазу, явно недовольную таким бесцеремонным обращением. Соседка посмотрела на меня понимающим взглядом, чуть кивнула головой. Нужно было пойти на чердак и поставить таз там, чтобы потолок не тяжелел, разбухая. Лина боялась туда ходить, считая, что на чердаке живут демоны. Это была маленькая слабость, которую я ей позволял. Тенью вышел в коридор, подобрал тазик, стоящий рядом, и прямо в тапках выскользнул из квартиры.

Где-то на лестничной клетке завывала странная мелодия. Скулила, трепетала, обрывалась. Ветер подхватывал ее неравномерно, выдирая пласты смысла, слова, предложения. Слово тот, кто ее пел — гавкал. По стенам стекали новые обрывки фраз; становилось жутко. Никто, кроме меня, не слышал эту какофонию. Она смешивалась с шумом дождя, с громом снаружи. Кажется, лестница Бога в небо шаталась, и грохот этот разносился по всему миру. Да только ли был это Бог?..

Мелодия вела на чердак, это было очевидно. Вверх по стертým ступенькам, один пролет, и вот я стою перед деревянной дверью.

— Мне никогда не быть с тобо-о-ой, — кто-то протяжно завывал, и голос этот пробирал до дрожи.
[1]

Я неуверенно толкнул дверь и сначала ничего не заметил. Но на мгновение сверкнула молния, пробралась сквозь заколоченные окна, облизнула своим отблеском всю трагичную обстановку и вывела из темноты *Ego*. И, черт возьми, этот момент отпечатался в моей черепной коробке на всю жизнь.

---

[1] - Здесь и далее цитируются строчки из песни группы Король и Шут – "Оборотень".

Мне показалось, что сам Дьявол был в этом помещении. На полу, в углу, сидел кто-то. На секунду я подумал, что это человек. Но ошибся. Таз выпал из рук и укатился в сторону, словно тоже боясь.

Руки *Ego* были непропорционально длинны, лохмотья, вместо одежды, черными лоскутами свисали со скелетоподобного тела. Полуприкрытые глаза горели адским огнем. Были ли это глаза?... Из рта стекали красные капли на подбородок, сумасшедшей струей размазываясь по полу.

Существо увидело меня и улыбнулось беззубой улыбкой.

Тут я понял, что ошибся. Глаза, рот, руки — все это присуще лишь человеку. Глаз у *Него* не было, как и рта — просто темные дыры, изнутри освещаемые мертвым пламенем. Не руки — обломки, похожие на старые деревья, сломанные тайфуном. Не ноги — кости давно умершего существа, перемотанные веревками, бинтами, чужими, несбывшимися молитвами.

Страх перед *Этим* сковал меня словно железом. Не мог ни пошевелиться, ни даже открыть рот. Остались лишь одни глаза да уши. И безразмерный, вездесущий страх.

У *Ego* ног покоилась огромная собака, чуть порывивая. Животное двинулось, и я понял, что снова оплошал. Это была огромная волчья шкура, с головой и пастью, лапами и хвостами. Но пустая изнутри. Шкура поднялась, неуверенно пошатнулась, гроыхнула костями, висящими словно в воздухе. Ребра ее были окровавлены, и между некоторыми зацепились стрелы.

В мозгу пронеслась шальная мысль, — может, на меня упал лестничный пролет, и тело умерло, а мозг еще нет? Тогда у меня оставались доли секунд. Только бы поскорей, только бы поскорей...

Существо сидело, внимательно «оглядывая» меня. *Оно* чуть покачивалось, словно от ветра, и из дыры, видимо, служившей ртом, слышалось что-то, отдаленно напоминающее шелест листьев. Казалось, что он был в двух измерениях параллельно — здесь, в моем,

решаючи — оставить этого человечка жить, или так, прихлопнуть двумя пальцами, и одновременно было в другом мире — в Вальгалле, восседая за длинным столом вместе с Одинем, и слушая его истории. Или, может быть, *Он* забирал души падших викингов с поля, щедро окропленного кровью. Я не знал, но почему-то все еще придумывал разные версии. Разве у умерших так бывает?...

Волчья шкура с треском упала на пол, приводя меня в чувство. Отчетливо послышалось, как пара ее костей треснула. Как в дешевом фильме ужасов, руки мои задрожали, а ноги начали подкашиваться. *Существо* подняло в воздух руку-осколок, махнуло ею, и я упал. Ноги больше не хотели держать.

Из разбитого носа начала расплзаться лужей кровь. Боли не было.

Усмехнулся, пропустив сквозь мозг мысль о том, как смешно Лина будет ругаться, если эти самые капли крови просочатся к нам на потолок. Наверняка будут некрасивые разводы, похожие на засохшую бордовую розу. Голова не двигалась. Тело онемело.

Наша странная тройца замерла во времени, пространстве, и разуме. Я закрыл глаза, понимая, что, видимо, наконец-то умер.

Гроза за окном не на шутку разбушевалась. Она танцевала, плясала, подпевая самой себе.

Как-то долго я осознавал, что рядом что-то рядом зашаталось, заскрипело. Завыло нечеловеческим воем.

Оно встало и, скользя холодной походкой смерти, подошло ко мне. Два ледяных отверстия, отдаленно напоминающих глаза, просверливали в груди дыру. Существо наклонилось и повернуло рукой-костьяшкой мое лицо к *Себе*.

Глаза открылись, но подчинялись уже не мне, а тихому голоску откуда-то из-под корки черепа. Я был мертв, но все еще любопытен. Это странно. Холодное дыхание опалило разум, оставляя пустоту. *Оно* несколько секунд трепыхалось, словно раздумывая, а затем провело пальцем по мне. Начиная со лба, вело дорожку смерти по носу, губам, шее. На груди остановилось.

Демон, давайте для удобства называть его так, снова задумался. Вздохнул и, на секунду взглянув назад, на волчью шкуру, вонзил свои искореженные пальцы в мою плоть.

До этого момента я был жив.

Мог спастись.

В темном сознании одиноко пульсировала лампочка.

Спастись.

Спасти.

А ради чего?

Лампочка начала мигать и потухла.

Незачем было спасаться.

Я все это время был мертв. Мертв изнутри.

Темнота.

Темнота...

Я обнаружил себя сидящим на полу. Кажется, что это был какой-то другой человек. Но все же я был в своем теле. Стоп, может, и нет. Почему я разглядываю себя со стороны? Ужасное зрелище. Кровь запеклась на лице, волосы в грязи. Или это та же кровь? Неясно.

Один глаз разбит и уже начал опухать. Другой открыт и закатился вверх. Одежда вся изодрана. Кожа на руках, шее, лице мертвенно бледная.

Уже запутался — жив я или мертв.

Или, может, всё сразу?

Я перестал видеть картину вокруг. Что-то невесомое тянуло подальше отсюда. Отчаянно захотелось весны. Весна спасает души, сажает в них ростки прекрасных цветов. Но не сейчас, я ее недостойн. Этот мешок с костями недостойн ни прощения, ни рая божьего.

Ни-че-го.

Я словно стоял на краю пропасти, решаясь, — прыгнуть или не прыгнуть? А тот я, второй, материальный и избитый, сидел все там же, в Петербурге, на чердаке, и решительно был никому не нужен. За заколоченными ставнями все так же выла осень, оставляя свои слезы на земле. Этажом ниже из угла в угол ходила Лина, и брови ее недовольно сошлись на переносице, оставляя небольшую складочку. Ей бы стоило так не делать. Хотя со мной это вошло в привычку.

На краю пропасти было тихо.

Я никогда не задавал себе вопрос — чего же я хочу. Все время был лишь один вопрос — что же сделать, чтобы выжить. Но теперь, похоже, времени было вдоволь.

Чего же я хочу?

Размытая картина в мыслях не становилась чётче; она маячила рядом ровно настолько, чтобы я понимал лишь примерные очертания.

Чего же я хочу?

На потолке сознания одиноко моргала лампочка на тоненьком проводе. Ветер мыслей качал ее, и свет падал на макушку с периодичностью в секунду.

Отчего же я бегал всю жизнь?

Я сел на край пропасти и свесил ноги. Было холодно, ветер усиливался. Вокруг ютился холодный синий свет да туман. И лампочка на потолке. В мыслях кто-то копошился. Это был мотылек. Маленький и, казалось, незаметный. Живой?

Живой?

Да, мотылек был живой. А вот и его куколка — в сердце. Это мотылек *Дьявола*? Но почему он живой?

Он живой, а я нет?

И почему пропасть? Почему чертова лампочка?

Мотылек исчез. Я все понял. Встал, отряхнулся и закричал. Заорал, завыл, зарычал.
— Хочу снова быть живым! Хочу хоть раз в жизни быть живым!

Лампочка лопнула, запахло горелым. Мир погрузился в темноту и зашатался. Коробку со мной куда-то несли.

Но куда?

Где я?

Кто я?

Вопросы ворохом сухих листьев упали на голову. Я точно был в своем теле. Чувствовал, как внутри течет кровь. Чувствовал, как конечности занемели. Вокруг было темно, мокро и холодно. Напрягши все рецепторы, я понял, что сижу. Дал сигнал мозгу о том, что нужно бы подвинуть руку. Та не слушалась, уворачиваясь от приказов. Попробовал еще раз. Не получалось. Губы стали единым целым, от сухости склеясь. По горлу будто проводили наждачкой, вверх-вниз, вниз-вверх. А, это же дыхание. Нужно дышать. Я был иссушен, иступлен и вымотан. На теле, на манекене тела не осталось ни единой точки, которая бы не заявила о себе пульсирующей, режущей, ноющей болью. В груди что-то заклокотало. Я прокашлялся. С невероятным трудом разлепил один глаз и огляделся. Да, это был чердак, только отныне пустой. Ни соба...

Стоп.

Я точно уверен, что видел то, что видел?

Нет.

Может, меня просто избили?

Скорей всего.

Тогда...

Нет, я все тот же.

Мертвый?

Сколько времени прошло? Снаружи, похоже, погода не сменилась. Следующие

двадцать минут были похожи на ад.

Ха, а вся твоя жизнь не похожа?

Я пытался встать, долго и безуспешно. Пару раз почти поднялся, но в конце упал.

Неудачник.

Наконец, понял. Нужно ползти. Встал на четвереньки, совсем, как соб...

Не вспоминай, не вспоминай, не вспоминай!

И поковылял. Таз одиноко валялся рядом с открытой дверью. Дверью в нормальный, скучный мир. Тяжелей всего было спускаться по лестнице — кровь в голове шумела, бурлила. Наконец, я добрался до той самой двери-жены, которая много лет подряд меня встречала своей противной масляной краской. Рухнул и прикрыл глаза. Постучал костяшками пальцев по двери. Сил ни на что не оставалось, даже на имитацию жизни. Спустя несколько минут дверь толкнула Лина, взволнованно осматривая лестничную клетку. Увидела меня и закрыла рот рукой, крича в кулак от испуга. Глаза ее так смешно, по-детски распахнулись и брови вновь сошлись на переносице. От моего видка.

— Что слу...

— Тихо, — свистящим шепотом перебил ее. Лина сползла по стенке и села рядышком, одной рукой обняв колени. Взяла мою руку и долго ее рассматривала. Она знала, что лучше не спорить. Молочные здесь — лучшее лекарство. Вскоре соседка взметнулась и попыталась поднять меня. С третьей попытки сие действие удалось. Женщина подхватила меня под пояс и втащила в прихожую.

Все так же одиноко горела единственная лампочка, которая была пресловутой луной. Вдали, в конце коридора, темнела дверь ванной. Квартира стала мне чужой. Она стала страшным, неизведанным царством. Царством скелетов в шкафу и одиночества. Вот уже верная компаньонка примчалась с ватой и спиртом и принялась обрабатывать множественные раны и порезы. В воздухе стоял такой аромат, что глаза слезились. Один глаз окончательно опух и не открывался. Костяшки рук были все сбиты и окровавлены.

Она терпеливо, сантиметр за сантиметром залатывала меня, как недобоксера. Ощупывала глазами, стараясь не разрыдаться, до крови закусив губу. Через полчаса я был относительно здоров. В груди зияла дыра. Не сквозная, конечно, но я ничего не чувствовал. Видимо, был болевой шок. Дальше мы перекочевали в мою крохотную комнату. «Комната» — слишком помпезно для сего маленького уголка. Мышиная нора.

Лина расстелила кровать и посадила мою тушу на нее. Матрас скрипнул, недовольно ворча. В окно бил дождь. С потолка по стене стекала маленькая капля. И все же, почему в нашей квартире нет собственных облаков?

Лина ушла, оставив меня одного. В тишине и темноте. Относительной. Закрыв глаза. Предо мной встал лик *Демона*, довольно улыбающегося. Судорожно открыл очи. Никого не было. Закрыв. *Волчья шкура* смотрела сквозь меня, злобно скалясь. От страха я не мог открыть глаза. Я снова был с этими спутниками смерти. Обернулся в ту сторону, в

которую скалилась шкура, и... *Замер.* От увиденного свело челюсти.

В глаза светило солнце. Яркими лучами оно пробилось сквозь оконную раму и, довольное, гладило мое лицо, руки, шею. Я чихнул и приоткрыл глаза. На дворе танцевало утро.

В воздухе танцевали пылинки, делая онный густым и тяжелым. Из кухни доносились негромкие песни старого радиоприемника, мурлыкающего себе под нос. Странно, такого хорошего настроения у меня давненько не было. Что-то отчаянно маячило в памяти, темным облаком клубясь в мыслях. Вспоминать, конечно же, не хотелось.

Я встал, нет, вскочил, с кровати, потянулся от души, и тихо побрел в ванну, стараясь избежать Лениных глаз. Шел почти на ощупь. Конечно, столько лет прожить в одном помещении — будешь знать каждый сантиметр и передвигаться в любое время дня и ночи. Сие действо удалось, и я хлопнул серовато-белой дверью, запираясь на щеколду. Не глядя в зеркало, провернул ржавый кран, включил горячую воду. Она шипящим потоком рванула вместе с паром, создавая искусственный туман, приятный и тягучий. Все казалось каким-то уютным, родным. Настроил воду до приемлемой температуры и стащил с себя то, что осталось от одежды. Вчерашний день был позади. Впереди маячило неясное, но кажущееся восхитительным, будущее. Ни шагу назад. Пусть страх, неуверенность и все это останется там.

Я хочу жить! Я живой!

Залез под душ, не желая смотреть на свою тушку, и несколько мгновений блаженствовал. Горячие струи расслабляли не только мышцы, но и душу. Но вот кран противно засвистел, и я опять же, почти на ощупь, достал кусок мыла с краешка ванной. Намылил шевелюру на голове, да старую губку в придачу. Было так приятно делать эти рутинные действия, будто бы совершал этот ритуал омовения впервые.

*Крещение сорокалетнего мужика в собственной ванной.
Смешно.*

Ехидный голосок в мыслях замолк почти сразу же, я умело заткнул его за пояс. Столько лет досаждают, уже невозможно, право.

В последний раз ополоснулся и вытащил махровое полотенце, вытерся и вылез из ванной. Обмотался им, благо, размер позволял и, все еще чуть сонный, провел рукой по запотевшему зеркалу...

Мат разорвал спокойствие, доселе царившее в доме.

Из зеркала на меня глядел кто-то другой. Я внимательно смотрел на это существо. Полотенце спало. Взгляд сам собой опустился на грудную клетку. Ни шрама, ни царапинки, ни-че-го.

Точно, тебя же вчера чуть не убили! Дурень, еще и забыл про это!